

АНДРЕЙ ВИНОГРАДОВ

## Либерализм и особенности современной российской ЭЛИТЫ

Одна из особенностей дискуссий последнего времени — разделение экспертов на тех, кто специализируется на международной проблематике, и тех, кто более озабочен внутренними проблемами страны. И это очень плохо, хотя вполне коррелирует как со все углубляющимся разделением труда, в связи с которым даже очень работоспособный человек не в состоянии охватить весь массив публикаций по всем проблемам, имеющим отношение к судьбам России, так и с «затыками» в собственно информационных потоках глобального и глобализированного мира.

Плохо, прежде всего, потому, что проблемы России рассматривают как бы вне проблем остального мира, в то время как они во многом не то чтобы не отличны, а скорее наоборот. Россия является ярким примером проблем, которые в современном мире переживают практически все страны с так называемой догоняющей экономикой. Включая и безумно быстро осуществляющий это Китай, который в последнее время все чаще ставят в пример как страну, более успешно справляющуюся с проблемами и потому, в том числе, представляющую угрозу для России.

Данным недостатком (отрывом России от глобального контекста) особенно страдают представители патриотического лагеря, которым отношения с Западом видятся исключительно как стремление последнего уничтожить нашу страну по причине того, что именно она — основной соперник на пути глобальной экспансии. Временами эта уверенность в том, что Запад спит и видит, как бы ему справиться с Россией, перерастает в абсолютную местечковость, при которой боль натертого российским сапогом пальца проецируется в ненависть и раздражение по отношению к окружающим, решительно сужая кругозор и мешая объективному восприятию действительности. И сколько бы международники ни говорили, что проблемы России похожи на проблемы других стран и свет на нас клином не сошелся, им не удастся убедить в этом ни патриотов, ни либералов. Первые уверены в великом предназначении и исключительности своей страны и в том, что коварный Запад озабочен только борьбой с ней. А вторым мешающий воплощению их идеалов гвоздь в российском сапоге настолько натирает ногу, что им не до процессов, происходящих в мире.

С первыми все в данном случае достаточно ясно — как представители и сторонники традиционной культуры они всячески противятся любому проникновению влияния извне, очень часто обоснованно считая его негативным для развития собственной страны. При этом содержательный диалог с ними по поводу общих тенденций мирового развития зачастую просто невозможен по причине отсутствия общего языка — их тенденции мирового развития не интересуют как принципиально чужеродные. Попытки вписать Россию в глобальный контекст и сравнить с другими воспринимаются ими как личная обида. Поскольку Россия уникальная страна, которую, как известно, аршином общим не измерить.

А вот что касается вторых, то здесь ситуация сложнее. Здесь есть о чем порассуждать, однако начать придется несколько издалека.

Один из процессов глобализации связан со структурным кризисом развитых экономик, в частности, с кризисом перепроизводства продукции, создающейся на высокотехнологической основе. Расширение рынка сбыта данной продукции наталкивается на то, что для стран, не достигших уровня развития ведущих государств Запада, такая продукция оказывается слишком сложной, избыточно качественной и неприемлемо дорогой. Однако это лишь одно из препятствий, и совсем не главное. Главное — в другом: современные информационные технологии, в том числе рекламные, связаны с воздействием на сознание человека. И принадлежность этого объекта к другой культуре процесс воздействия во многом затрудняет.

Поэтому борьба глобальных монополий и ТНК за расширение рынков распространения высокотехнологической продукции, в конечном счете, становится борьбой за вестернизацию традиционных обществ. И, прежде всего, эта вестернизация касается элиты, которая становится и проводником наиболее «передовых» идей.

Для представителей национальной элиты вообще свойственно стремление к либерализации, которая предоставляет им возможности самоутверждения, самореализации, самопроявления. Именно в сознании элиты (особенно творческой) либерализм зачастую приобретает достаточно радикальные формы, порождаемые обособлением представителей элиты от массы, от толпы и противопоставлением себя той среде, в которой она сформировалась.

Давно замечено, что в относительно слабо развитых обществах традиционная культура, особенно с учетом давления консервативной бюрократии, скорее отторгает инициативных, энергичных людей, чем способствует их росту. В результате у них появляется чувство обиды, а после преодоления сопротивления среды и достижения успеха — ощущение собственной чужеродности. Пробившись в элиту, эти инициативные люди в большинстве своем не могут избавиться от этих чувств, что, в конечном счете, провоцирует враждебность активных представителей элиты к своему обществу, воспринимаемому как скопище несимпатичных, а то и опасных людей, от которых следует держаться подальше.

Тем не менее, определенные критерии патриотичности элиты могут быть выделены: прежде всего, это форма их активов (не только материальных) или, более конкретно, выбор мест для отдыха и, в первую очередь, для

обучения детей. Причем именно последнее — наиболее яркий критерий, определяющий отношение к собственной стране и ее традициям.

Выбор формы активов объясняется банальным стремлением обезопасить свое неожиданно обретенное богатство от посягательств со стороны не столь преуспевших сограждан. Тем не менее, в случаях, когда критическая часть данных активов контролируется зарубежными партнерами, то и музыка исполняется прежде всего та, которая им по вкусу. Причем происходит это опять-таки уже на уровне подсознания, также, впрочем, как и с представителями интеллектуальной элиты, вынужденными существовать на западные гранты. То же самое касается и высокооплачиваемых клерков, работающих в филиалах крупных западных компаний в Москве или в Петербурге или в фирмах, завязанных на Запад. «Детский» критерий более очевиден, в том числе и потому, что причиной отправки отпрысков на учебу за рубеж является искреннее стремление оградить от опасностей общения с тем самым народом, интересы которого эта элита, по собственному убеждению, выражает.

На самом деле все это известно еще со времен уроков истории в советской школе на примере так называемой «компрадорской буржуазии». Однако сегодня традиционное поведение бизнес-элиты распространяется на всю элиту в целом, в том числе и на региональных ее представителей. Убеждение в том, что западное образование открывает перед ребенком больший спектр выбора — обоснованно, но обманчиво. Очень часто оказывается, что оторванный таким образом от корней ребенок оказывается не только неадекватным своей собственной стране, но и психически надломленным. При этом спектр выбора не расширяется, а скорее сужается, оставляя лишь одну возможность — интеграцию в западное общество, которая неизбежно сопровождается отказом от собственного изначального «я».

В силу этого либерализм нашей элиты не может быть ни социальным, ни имперским, ни державным. Этот либерализм — прежде всего требование свободы действий для себя лично, в том числе и освобождения от нравственных норм, как традиционных, присущих русскому обществу, так и нравственных норм вообще.

Что с этим делать и как с этим бороться, сказать сложно. Тем более что данная проблема касается не только России, не только «догоняющих» обществ, включая и Китай, имеющий тысячелетние традиции поведения. Эта проблема и самих западных стран, где об опасностях либеральной культуры говорят по крайней мере лет двадцать. Получается, как ни печально, замкнутый круг, разорвать который может лишь социальный кризис, способный вывести наверх новых лидеров, придерживающихся консервативных взглядов и не подверженных влиянию либерализма. Пример Ирана и афганских талибов показывает, что подобное развитие событий интеллигентные люди вряд ли будут приветствовать. Но альтернатив пока не просматривается.

Теперь я бы остановился на том докладе, который был представлен фондом «Территория будущего». Это, безусловно, продукт той самой социальной — элитарной — среды, которая видит в либерализме, а в данном случае, в либерализме социальном, свое будущее в России и будущее самой России.

Итак, нам предлагается либерализм с человеческим лицом. Прежде всего, в докладе цепляет некоторая легкость в отношении к терминам. За которой, впрочем, просматриваются и определенные методологические ошибки. Например, игнорирование общества как субъекта диалога в следующей фразе характеризуется как «посттоталитарный популизм». Ставить знак равенства между этими понятиями я бы ни в коем случае не стал.

На самом деле популизм — это не игнорирование общества, это просто обращение к другой его части, более широкой и не ограниченной рамками кабинетов и компьютеров с выделенной линией. Это очень распространенная ошибка, причем как раз для тех экспертов, которые представляют либеральное направление. Отождествление себя с обществом. Есть и более жесткие характеристики. Например, социолог Леонтий Бызов в недавней статье утверждает, что «политическая идеология либералов — это не идеология, а образ жизни современных мегаполисов, индивидуализированный, атомизированный, лишенный социокультурных корней, национальной и государственной идентичности».

Фразой ниже сквозит обида на то, что «силовики», по причине собственной уверенности в «обладании сокровенным знанием», не советуются с «профессионалами, не говоря уже о диалоге с обществом». На самом деле советуются, просто с другими, представляющими другой срез профессионального интеллектуального сообщества.

Другое дело, что ставший в последнее время общей традицией отказ власть имущих от публичных дебатов по поводу путей развития страны крайне пагубен не только для развития гражданского общества, но и вообще для развития культуры диалога. Тем более что в России эта традиция, берущая, по словам Сергея Аверинцева, свое начало с Аристотеля, традиция культуры диалога, умения слушать и слышать, умения аргументировано спорить, а не опрокидывать шахматную доску на голову сопернику, вообще развита сравнительно слабо. И в результате мы имеем вместо реального диалога, вместо открытого обсуждения путей развития страны с привлечением экспертов возврат к так любимому патриотами «византизму» и возрождение «кремленологии», когда о происходящем в коридорах власти можно судить исключительно по отдельным формальным признакам — порядок фотографий в газете к празднику или расстановка кресел на заседании правительства. Однако это не тема сегодняшнего обсуждения.

Вряд ли может называться классом «круг людей, существующих дискретно, без осознания своей общности» и т.п. И вряд ли можно «анализировать образ мыслей и психологию данного класса». Это, по сути, искусственное конструирование несуществующего в природе объекта. Единственное, что дано как объединяющее этих людей — это их принадлежность к серой экономике, отчего они «всегда под ударом». Однако таковых, как подчеркивал на предыдущем семинаре Вячеслав Глазычев, не менее двух третей. А в городах, особенно в мегаполисах — и того больше.

Определение тех взглядов, которые авторы доклада именуют «стихийным либерализмом» и которые «новый класс», несмотря на *существенные различия в мировоззренческих характеристиках* (так в тексте доклада) представляет собой перечисление черт, свойственных любому человеку, включенному

в общество. Независимо от класса, просто по причине включенности в общественные процессы.

Именно по этой причине — отсутствие объекта в том смысле, в каком его понимают авторы доклада — обсуждение дальнейшей программы (что бы могло объединить «новый класс») представляет скорее умозрительный интерес. По сути, это перечисление известных либеральных постулатов. Почему данный набор называется «социальным либерализмом», мне не совсем понятно. Напоминает «либеральную империю» Чубайса. Парадоксальное сочетание несочетаемого — это прием, форма, которая часто компенсирует отсутствие содержания.

Во второй части доклада авторы уточняют понятие «социального либерализма», подчеркивая его отличия от сторонников «усиления роли государства в социально-экономических отношениях». Которые при этом называются традиционными «социал-либералами», хотя данное требование вообще к либерализму не имеет отношения. Здесь та же подмена понятий, как в случае с «либеральной империей», стремление расширить собственную поляну за счет других, предстать «либералами с человеческим лицом». Подчеркивая свое отличие от этих, в действительности несуществующих «социальных либералов», сторонники истинного «социального либерализма» вновь повторяют хорошо известные постулаты либерализма *классического*, немного разбавленные социальной риторикой.

А потому я могу уверенно ответить на вопрос, вынесенный в тему доклада: социальный либерализм в России — это утопия. И не только в России. Продвижение концепции «социального либерализма» действительно возможно, как справедливо замечено в докладе, «в узком элитарном кругу людей, среди московской и региональной интеллектуальной элиты, претендующей на принадлежность к новому интеллектуальному классу...» (и так далее по тексту). Невольно смещая возможную базу «социального либерализма» путем незаметного перехода от «производительного класса» к интеллектуальному, авторы абсолютно правы. Именно этим «классом» распространение «социального либерализма» и ограничится.